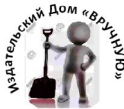

Александр ВОЛОВИК

ЕЖЕДНЕВНЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК

СТИХИ

МОСКВА 2002

Александр Воловик, ЕЖЕДНЕВНЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК, стихи.

Эта книжка была издана ограниченным тиражом дома на принтере в 1998 году.

© А.И.Воловик, стихи 1998.

© Издательский Дом «ВРУЧНУЮ», 2022.

*** (1998)

Как сказать — тихо или погромче?
Да, пожалуй, лучше будет потише.
Хотя можно и грохнуть что твой погромщик:
как война, рифма всё спишет.
Это розы её, метаморфозы,
пресноватая кровь сам-друг с бровью
расправляют в плавленый сырок рожу,
(и моя — гляди — вымя коровье).
И проходит жизнь, и почти рядом.
Покопайся в склизких её анналах.
Ну, не рифму сыщешь настырным взглядом —
хоть в обмылках быта — её аналог.
За которым — когда он как звук подан —
в потрохах эпохи ни эха: тихо.
Вход забыт; выход забит кодом...
Выйти так, иначе ли?.. Метод тыка
всех надёжней, ибо — и в том хохма! —
жизнь сама утечёт, бурнѐй рвоты.
Но — сама-сама, а всё ж так хоть бы,
а иначе очень уж неохота...
А зависит ли судьбы окончанье
от того, как зависнет луна в туче?
От того, засвистит ли в свисток чайник?
И от громкости слова?..
И как — лучше?

ВСЕГО ЛИШЬ ЭКЗЕРСИС

*** (1989)

Душа моя, я бессловесный твой.
Тебе я бедный родственник телесный.
Прости мне этот лепет, этот вой,
что в простоте я называю песней.
Прости, что не могу как на духу,
освободить тебя от оболочки
и только колупаю шелуху
на матерьял для самодельной строчки.
Душа моя! Пожалуйста, проснись!
Прости, что вдохновенья миновали,
и всё, что есть, всего лишь экзерсис,
игра высокопарными словами,
что в час, когда иные везунки
скакали к небесам на Сивках-Бурках,
не рвался с ними я вперегонки —
тебя лелеял в пухлых закоулках,
на вкус не ощущавшую потерь
и завистей не знающую скрытных...
Душа моя, давай, взлетим — теперь,
крылами ревматическими скрипнув.

*** (1996)

Где-то дятел успешно долбит дупло,
добывает насущных мух.
Если б только бы дали бы мне *добро* —
задолбал бы я тоже — вдруг!
И я носом бы бил и локтём долбал,
и коленом бы выбил — вон!
Золотник мой не был бы слишком мал,
а сиял бы что твой дублон.
Я бы славой по небу пошёл греметь,
я потери бы свёл к нулю...
Но судьба-то моя — не долбать, а петь.
Вот я и не долбаю: пою.

ПОЭЗИЯ. СТАНСЫ (1997)

Мой спорт — Поэзия.
Четырёхстопным стартом
сперва размяться: станса три-четыре.
Потом ещё стопу добавить справа
и переинсталлировать акцент.
С восторгом графомана-перестарка
сбить смысла чучело
острото́й пробной в тире —
тире́ — лирическом и рифмою корявой
дать фору славным классикам со стен.

Поэзия, моя непыльная работа,
чернильная висюлька вдохновенья,
включай свой механизм слогоподачи,
слонопотамом вдумчивым реви.
Осуществляя таинство Свободы,
кусай себя, подобно сколопендре
и саламандре — хоть горя и плача —
для ради извлеченья «до-ре-ми».

Поэзия. Моё, как говорится, хобби
по интересам. Литобъединенье.
Кружок друзей. ДК. Кружок поэтов.
Литстудия в парткоме ЦДЛ.
Цех первой книги, и в его утробе
в порядке многомесячного бденья,
старателен, а более приветлив,
я потихоньку зрел. И вот — созрел!

ПОЛЁТ (1998)

Я сам себе чужд.

Может, там, куда мчусь, я вообще не я...

И жду, удручён скрежетаньем *счетов* и *актов*,
что вот получу *нэ-платёжное* поручение
(от кого — не знаю) — хотя б на десяток тактов.

И скоро и правда, летучее, как вдохновение,
нисходит (или вздымается?) нечто вроде...

И я начинаю летать, по обыкновению,
то есть своей отвечать, наконец, природе.

Невесомостью, отсутствием тела, лёгкостью
характерно известное всем состоянье лёта.

Высота в ушах пищит специфическим посвистом
(который, возможно, от комплекса рифмоплёта).

Далёкое смотрит близким (и таковым является).

Сущее стало вещим, и мыслям в черепе тесно.

Буквам, значит, просторно (в классику бы не вляпаться!)

Всё это не относится к данному конкретному тексту.

При этом полёт может быть из окна или с лестницы,
но чаще всего совершается в подземелье...

И становится мир всё приятнее и полезней всё,
и доступнее всё, как тому дураку Емеле...

Так и летаю, навроде орла или аиста,

неся соответственно — дичь или плод сокровенный.

Но свободный полёт внезапно, как всё, кончается
для иных, тоже не чуждых мне, отправлений.

*** (1998)

Сопоставление того, что было А,
с тем, что не Б, но, может быть, им будет,
осветит ли дорогу, как луна?
Насытит ли, как пончик или пудинг?
Для глаз ли только светит синева?
Для слуха ли перпетуум мотива?
Рука вздымает или голова
шлагбаум для стиха локомотива?
И что за ним? Товарный поезд рифм?
Хлопушки ли банальные метафор?
Иль это жизни стройный алгоритм,
хотя б сама она летела прахом?..

О МРАМОРНОЙ ДОСКЕ (1983)

Дума

Известны стихотворцы да злодеи. Простой народ не бálуется славой. И непарадоксальные идеи растут в моей башке некучерявой. Вот, например, писатель Достоевский — прекрасно знал писательское дело. Его тут и сравнить, пожалуй, не с кем: он понимал, кому что наболело. И вот — висит доска мемориала на доме, где он бодрствовал и кушал, откуда в ночь он выходил, бывало, надвинув шляпу глубоко на ўши... А вот шофёр, фамилии не помню. Водил такси, как бог — без нарушений. Ему найти среди шофёров рóвню непросто тоже: он был, вроде, гений. Но где он жил, с кем знался, матерился, когда почил (а может, жив поныне?), качал права, женился, шёл на принцип?.. И где *Доска*? — А нет доски в помине. Или вот я: седой, почти что лысый, пишу стишки, чего-то там считаю. О мрамор-ной доске я и не мыслю, но что ж я зря на свете прозябаю! А может, надо, чем мусолить атом, рвать розы славы на другой работе? Устроиться, к примеру, Геростратом, чего-нибудь спалить или попортить... Да я не о себе, а так, к примеру... Ведь рáвно все профессии почётны. Но где-то есть отмеренная мера: одних равнять богам, других — животным. Герои же, чьё имя на заборе, о ком шумят, обожествляют коих — не сроду в мономаховом уборе: общественность — вот отоварил кто их. Мораль проста: доска — критерий внешний, по существу, неверный и случайный. А надо жить негромко и неспешно и — наслаждаясь ароматом чайным.

*** (1996)

Дело, может быть, совсем не в том,
что́ за дело, важно — кто создатель.
Кто получит яблочком — Невтон
по балде, иль просто обыватель.
Я б сказал, к примеру, — «Надоел
ямб четырёхстопный: всяк строчит им» —
и куплет *октавой* бы пропел...
— Хрен он был бы кем-нибудь прочитан!
А однажды Гений и Талант
в строчку приведёт *милицанера*
и глядишь — он Автор и Гигант,
всякая стена ему — фанера.
Он как хочешь — так и колбаси.
Я ж — как ни выпендривайся — тщетно.
Ни тебе народного *мерси*,
ни на презентации фуршета.

*** (1997)

У вас пошлó? А у меня пошлó!
Поехало в известном направленье.
И свечку путеводную зажгло.
И к чаю в банке подало варенье.
И вывело заглавье на листе
стандартного формата А4...
И из набора рифм дало лишь те,
что классики ещё не захватили.
И сразу стало ясно и светло,
без спирта вырос градус настроенья.
Пришло, как говорится, вдохновенье,
а это значит — у меня — ПОШЛÓ!

ДВА СЛОВА (1997)

Два первых слова, два слова жалких,
вас, как в разведку, в тетрадь швыряю.
Резвитесь, пойте, гоняйте в салки,
плацдарм для армии расширяя.
А там, в засаде, полки глаголов,
предлогов роты, каре наречий,
а стратегически важный Голос
поддержку с воздуха обеспечит.
И вот — под знаменем междометий,
под силлабические раскаты,
чеканя слоги, придём к победе —
над прозой быта, над дымом хаты.
Ах, не забыть бы в лихих мечтаньях,
в пылу триумфа и эйфории
о тех печальных, о тех начальных,
что путь к победе нам проторили...

*** (1996)

Глубокомысленно решаю,
какую тему изначально
мне предпочесть перед иными
для составления стиха.
Взять эту что ль, что ближе к краю,
иль ту — загадочно печальну,
а может эту: звучно имя
да и фактура неплоха.
Ведь это, в сущности, неважно:
начни с любой, и, как рубанок,
вдоль по волокнам золотистым
перо пойдёт само собой.
Но всё же чуточку тревожно,
и я, как брошенный ребёнок,
стою перед задачкой устной,
как перед собственной судьбой.

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ (1996)

Извращенец: увидел природу,
шмыгнул носом и лезет в карман
за книжонкой своей записною —
зафиксировать буквой пейзаж.
Описание это народу
так же нужно, как мне или вам.
А он чёркает снова и снова,
слова, значит, художничек наш...

ПОЭТЫ (1985)

Поэты на себя берут страдания всей Вселенной.
Пост, воздержание и труд — поэтов гордый флаг.
Кто втиснет Истину в словарь? —

Тот, чья душа нетленней.

А кто невежда и кустарь? — Кто полон жирных благ.

Поэты на себя берут грехи всея Вселенной.
То просто лень, то (чаще) блуд их направляет шаг.
Кто пьёт вино, крушит хрусталь? — Поэт в кругу гуляк.
А кто засушенный сухарь? — Кто моралист отменный.

Но кто же всё же победит, властитель мыслей внуков,
кто горд, или кто пьян и сыт? И кто не лыком шит?
— Прав, кто живёт, как жизнь велит, и яблом помяукав,
и даже с бою взяв Главлит, не мнит, что уж — *п и и т*.

И правил нет, что ставят быт в зависимость от звуков...
Но кто же всё же победит? Но кто же победит?..

*** (1995)

Хлеб души (поэзия) — рупь за строчку (новыми).
Косы-тучки побоку — заходите, Музочка.
Только трудно жить в одном улье с насекомыми:
зазевался — жалят гады — больно же до ужаса!

Паучиха-публика от поэта *тащится* —
от намёка смелого, от словца весёлого.
А по достижении, так сказать, катарсиса,
удовлетворённая, откусывает голову.

Ты, поэт, пожалуйста, не косись на публику.
Сам себе начальничек (как и было сказано).
Вот и поживи один — светом среди сумраку.
А дружи с наборщиками или с метранпажами.

*** (1995)

Пока создаётся неведомый файл,
себя заявив на экране,
пожалуй, чего-нибудь я б написал
о кобальте или уране.
Ещё б написал я о том и о сём
и, в частности, даже об этом,
когда б я являлся не чайник-осёл,
а был бы взаправду поэтом.
Да, в общем-то, я ведь и так молодцом:
пишу! Хоть коряво, а всё же...
Грамматика — чтó! — был бы смысл налицо.
А что мне падеж? — Он ничтожен...

(Тут файл и создался)

*** (1998)

Какие темы меня волнуют?
Во-первых, это стихосложение,
потом — политика государства,
а в-третьих — тонкости мироздания.
В-четвёртых, юмор с сатирой вкупе
с уклоном, чаще всего, фекальным.
Ну, и любовь, наконец, немножко —
тоже в телесном своём аспекте.
И если есть у меня удачи,
то они там, где все темы скопом.
Чем их изрядней одновременно,
тем, значит, и молодец я больше.

*** (1998)

Не надо глупостей нести
в собранье знатоков.
Они поймут — что́ стоит стих,
и автор кто таков.
Вершится строго ихний суд,
бесстрастен приговор.
Они то «Фэ!» произнесут,
навек то есть позор,
то закричат: «Вот это да!
Талант — как ни крути...» —
и пошагаешь без труда
по торному пути.
Мне всё едино: свет в окне,
иль мрак средь бела дня...
Скажите, знатоки, и мне
чего-то про меня.

BEHOK COHETOB

©

BEHKE COHETOB

1. (1998)

Венок сонетов пишет каждый всяк.
Возьмусь и я. А что мне — не под силу?
Да стоит мне лишь ручку в ручку взять —
бумага — слышь! — уже заголосила...
В сонет идет любая дрянь, пустяк,
а поглядишь — выходит даже мило.
Когда б вы только знали — *мама миа!* —
из сора из какого, из коряг
каких — противно к ним прикосновенье,
но я терплю — не оборвать бы пень! —
устроен, то есть состоит сонет!
В нём глубины искать не надо, нет!
Он, в сущности, в рифмовке упражненье.
Оно несложно, это сочиненье.

2.

Оно не сложно: это — сочиненье,
не изложение, даже не диктант.
Ты собственное изобразишь мненье,
простую склонность выдашь за талант
и, смысл держа на шее, как атлант,
набычась и притом бахвалясь ленью,
преодолеешь слов сопротивленье
и расположишь строчки, как педант,
чтоб перекрёстная сменялась кольцевой,
чтоб теза с антитезой дорогой
слились в экстазе всем на удивленье,
и синтезом сменился б общий вой,
и зазвенели бы перед тобой
в венке сонеты, как в цепочке звенья.

3.

В венке сонеты, как в цепочке звенья,
как семечки, к примеру, в огурце.
И нужно нестандартное везенье,
чтоб их узнать в лицо в таком гурте.
И надо необычное уменье,
дабы прочесть в означенном лице
то, чего нет в начале и в конце,
а только промелькнуло как бы тенью,
метнулось между бра и пылесосом,
помедлило незадачным вопросом
и скрылось в как бы розовых кустах,
высокопарно, как свинья пред опоросом...
...Одни сонеты бы не пользовались спросом,
их *магистрал*¹ объединяет. Как?

4.

Их *магистрал* объединяет. — Как?
— Да как обычно: в приказном порядке.
Он их сперва рассадит, как на грядке
(а перед тем ещё помнёт в руках),
потом раздаст им чистые тетрадки,
а одному — повязку на рукав,
дежурный, мол, и под мотив трёхрядки
запустит в свет, перстами помахав
пред носом собственным — на месте ли пенсне —
и вот движеньем плавным, как во сне
(почти что незаметное движенье),
они вступают *a capella* — *né*
во *что-нибудь*. То предъявляет мне
состав капеллы — хоровое пенье.

¹ Магистрал – сонет №15, состоящий из первых строк остальных 14 сонетов.

5.

Создав капеллы хоровое пенье,
теперь выносит хитрый *магистрал*
своё администраторское рвенье
на самую большую магистраль[□].
И значит, час единственный настал,
когда, как бы по щучьему веленью,
возникнет ниоткуда вдохновенье,
чтоб увеличить жизни *полнакал*.
И будет *магистрал* — с большой дороги,
какую мнут колёса, месят ноги...
Полита потом каждая верста.
Она — его, как арестанта — сроки,
как бога — храм, как барина — оброки
как столяра и плотника — верстак.

6.

Как столяра и плотника верстак
достал (я выражаюсь их словами)!
А нас, читатель, вероятно, с Вами
ничто уже *достать* не может так.
Мы толстокожи. Нам любое знамя
равно серó. Нам быта кавардак
привычнее, чем идеала знак
(не знаю, как назвать его словами).
Стоит жара, иль непрерывно льёт
прозрачный ливень с облачных высот,
пурга, мираж ли, светопреставленье —
нам не до них, читатель, нам поёт
иной Кобзон, наш ко всему подход —
как пациентов клиники: терпенье.

7.

Как пациентов клиники терпенье
облагораживает! Лучшие врачи
предпочитают умному лечению
текущие анализы мочи.
А ты, больной, надейся и молчи.
Держи в себе своё плохое мнение.
Таблетку, вон, у бабки получи
и жуй себе хоть до выздоровленья.
А то не жуй, авось помрёшь и так.
Шучу, шучу (да ты шутник, однако!..)
Надежды себестоимость — пятак,
цена же — грош в сегодняшних дензнаках.
Минуй, недуг, меня, как полдень — мрак
и как бойцов — стремительность атак.

8.

И как бойцов стремительность атак
не раздражает! Шум, столпотворенье,
пейзажей и построек мельтешенье,
полно народу, всё всегда не так...
Ракеты, танки, лошади... Бардак!
И, наконец, народов истребленье...
Нет, я бы лично воевал не так.
Как — доложу в секретном приложенье.
Бойцы — грубы. Как их нелепа форма!
Они — если в кино — идут на *порно*.
Не на «Чапаева», а на Мерлин Монро...
Да это мне, пожалуй, всё равно.
Сюжет к строке пристраивать упорно —
весь кайф венка (хоть это не бесспорно).

9.

Весь кайф венка, хоть это не бесспорно,
в том состоит, что можно им мести...
Да нет... то венником! А этот — как бы орден,
на то он и лавр^{ов} и потому в чести.
И если лавр с венка покамест не оборван,
то им увенчанный, беспечен и мастит²,
здоровой пищей ублажает аппетит
и не корячится в труде своём упорном
на благо Родины, ведь он космополит,
и долг ему нисколько не велит
предпринимать то, что смешно и вздорно.
Но мы-то знаем, чем народ велик,
в чём замысел и Чей в нём виден Лик:
в том, что всё слаженно и, так сказать, *соборно*.

10.

В том, что всё слаженно и, так сказать, *соборно*,
научного подтекста вовсе нет.
Всё в простоте, какая там Сорбонна!
Стоит сонет. За ним ещё сонет.
За тем — ещё... Как по сигналу горна
в торжественном преддверии побед,
развёрнут строй их, как парад планет.
И стяги рифм над ними реют гордо.
Всё на своих местах, не как попало.
Под мудрым руководством *магистрала*
здесь строчка каждая весома и права.
И глаз обрадован незыблемостью строя.
В наш век увидишь часто ли такое —
стихи стоят по струночке: ать-два!

² Т.е., видимо, на *дорогу поэтической славы*.

11.

Стихи стоят по струночке: ать-два!
Одна строка другой велеречивей.
И погляди, читатель терпеливый,
тут так же чётко строятся слова!
И только буква, атом неделимый,
всему стихосложению голова,
как моря гладь — приливы и отливы,
разнообразит строчки и слова.
Я б букве гимн исполнил на трубе
за переменчивость: она то А, то Б,
то что-то третье: γ или θ,
пусть даже Ѧ или Ъ —
я всем им рад и никому не враг.
Хотя, по мне, надуманно всё это.

12.

«Хотя, по мне, надуманно всё это» —
намедни я заметил сам себе,
играя роль завзятого поэта,
такого мэтра, ушлого в пальбе
из пушек по пернатым. Фраза эта
красиво кукарекала в уме,
но я не понимаю, хоть убей,
умна она, или в ней смысла нету...
Когда же понимания итог
прочертит чиру возле самых ног
и в темноту швырнёт гранату света,
то вместе с ним придёт и немота:
где правит разум, там душа пуста.
Такой порядок вреден для поэта...

13.

Такой порядок вреден для поэта
(и, в сущности, для всякого лица).
Поступим так: пускай ума монета
подольше не выкатывается
из портмоне души (и из сонета!).
Пусть светит всем до самого конца,
и старого склеротика в юнца
пусть превратит, хотя б на треть момента!
Пока душа бессменная жива,
ей по сердцу и безусловно сладок
свой личный ум и свой родной порядок —
приемли всё, только своё — сперва.
Я, например, на правила не падок,
а лучше так: кто в лес, кто по дрова.

14.

А лучше так: кто в лес, кто по дрова.
Резвись, перо, курсор, реви, динамик!
Летай, смычок, как мудрая сова,
и муза — прилетай, *хорош динамить!*
Качай, качок, хоть мышцы, хоть права.
Кто против нас, тот, значит, снова с нами.
Свобода — вот единственное знамя.
А кто свободен, тем и трын — трава.
Заканчиваю. Надо бы мораль
вписать в не очень строгую, но — форму,
что, мол, трудился и не зря марал
карандашом — блокнот, рулон в уборной,
счета... Но пусть, поскольку я иссяк,
Венок сонетов пишет каждый всяк.

15. (1998)

Венок сонетов пишет каждый всяк.
Оно несложно, это сочиненье.
В венке сонеты, как в цепочке звенья.
Их магистрал объединяет, как
состав капеллы — хоровое пенье,
как столяра и плотника — верстак,
как пациентов клиники — терпенье
и как бойцов — стремительность атак.
Весь кайф венка (хоть это не бесспорно)
в том, что всё слаженно и, так сказать, соборно,
стихи стоят по струночке: ать-два!
Хотя по мне — надуманно всё это...
Такой порядок вреден для поэта.
А лучше так: кто в лес, кто — по дрова.

*Одуванчик, закрой свой зонтик
и не возникай.
Трясётся рояль в каком-то, не знаю там.
На спинке висит чернило и на хвосте.
Как всё это всё-таки мило —
П — Р — С — Т !*

1998

ПОТОК

ПОДСОЗНАНИЯ

*** (1995)

Любитель одиночества неискрен,
хоть и глядит Кандидом непочатым,
старательные мышцы группируя
исходного лукавого лица.
В толпе в метро он заземляет искру,
сверкнувшую отнюдь не для печати...
И я таков. У мира на пиру я
пощусь с унылой маскою истца.

А там, под маской...

НЕ ПРО ЭТО (1997)

Про другое, не про это, про которое всегда —
из себя не строй поэта — просто автор, вот и всё.
Например: летят снежинки; расцветает лебеда;
от тойоты пассажирки открыли колесо.

Может статься, в той тойоте
мчался лично Джексон Майкл.
Сувениров я не против и девиц не осужу.
Ну, а если хулиганки — я бы сам бы их поймал,
я за ними бы на танке и стопарь для куражу.

Хорошо — вооружённым вдоль по улице пройтись,
чтоб и девушки, и жёны уважали, как вождя.
Горсть гранат подкинуть в воздух,
будто это конфетти,
автоматом марки «Узи» ненавистникам грозя.

Но ведь я не мафиози, я совсем не боевик,
автомата марки «Узи» я не видел и в кино.
И на улицу на эту я нечаянно проник.
Извините мне, «поэту», мне домой пора давно.

Там возьму я лист бумаги, карандаш возьму «НВ»
да как выпишу зигзаги, кренделя моей души!
Ничего, что результаты будут, может, так себе,
для меня, для графомана, они очень хороши!

ПОТОК ПОДСОЗНАНИЯ (1996)

Оборваны стропы стартующих строк,
и где подсознанию кретину
разлитый на стопки сознания поток
в единую вылить картину!
Вот полбутерброда, компьютер, очки,
порог, поводок, мостовая...
Попробуй, с подругой в метро проскочи,
когда на посту постоваля!..
А рожи и лица различных систем —
точь в точь как герои мультяшек.
Хоть опохмелиться охота не всем,
но дух в совокупности тяжек.
Подбиты прямым попаданьем впросак,
скачывая без звона и хруста,
домой к своим мырмам банкиры трусят
и где-то немножечко трётся.
Прилежный, как снайпер, дитёнок сосёт
пустой указательный палец.
Учёный всезнайка про гранты просёк
и Соросу стрóчит, засранец.
И Вещий Олег изгоняет коня,
и Воланд чудит свои штучки,
и кордебалетом пинают меня
небесные странницы тучки.
И девки путанки глядят из окон,
почти ничего не смущаясь.
Я сам-то с Таганки. Бреду босиком
Простите, что к вам обращаюсь.

*** (1997)

Медицинская сестра
глазом зыркала, востра,
из-под каждой табуретки
вынимала по пипетке,
из щели меж половиц
доставала старый шприц,
с хирургической кровати —
мазь, засохшую на вате,
и выбрасывала вон
окровавленный тампон.

Я — такая медсестричка:
со стола плохую спичку
достаю, из шкафа моль,
из компьютера пароль.
И выбрасываю на фиг
старый косинуса график,
из кармана пусячок,
из блокнотика — стишок!

К МЫСЛИ (1997)

*...и на знамёнах слово УМ
кивало всем, как добрый кум.*

Н.А.Заболоцкий

О последствие из посылки,
импликация почтальона,
предоставлена, как носилки,
вам суставчатая строка.
Я доставил бы Вас в палату,
где ни звука б от Вас, ни стона,
только ум в унисон халату
головой бы кивал слегка.
Я в палату бы, но потерян
от кастальской юдоли ключик,
он потерян, и вот теперь он
не откроет её ему.
Мы покружимся с Вами в вальсе
на январском ветру колючем.
А что делать мне с Вами дальше —
хоть убей меня, не пойму.

ЛОГИКА (1997)

Хоть произвольные слова и произвольны,
но к ним грамматика строга, и ей спасибо.
Так в море: скачут беспорядочные волны,
а глядь — Гольфстрим или другая Куросива.
И в тексте то же: стоит тронуть только букву —
вмиг, подчинённые логическому ходу,
с необходимостью расписанного будня —
глядишь, и сложатся в предпраздничную оду,
или в язвительную злобную сатиру,
или в цветастое любовное посланье —
слова из тёмного обыденного мира,
всегда казавшиеся просто — словесами.
И как волна, усмирена закатом сизым,
прибрежный камешек всё лижет, словно пряник,
так жизнь, хотя и оказалась экзерсисом,
а всё же Логика и ею тоже правит.

ГОЛОВА (1996)

1. Рука руку моет.
Нога ногу чешет.
Голова голове ухмыляется.
Рука руку видит.
Нога ногу знает.
Голова голову озадачивает.
Рука руку режет.
Нога ногу топчет.
Голова голове прикурить даёт.
2. Голова целует голову в губы.
Голова глядит на плечи и груди.
В голове бегут и прыгают гулко
многоотомные гомункулы дум.
Голове с ними хлопотно и туго.
То седеет, то лысеет с натугой.
А отвалится рычаг или втулка,
голова об пол об каменный — бум!
3. Голова! Шевели ушами
и вращай их вокруг оси,
чтобы девушек не смущали
очертанья предметов сих.
Чтобы, вроде антенн-парабол
собирали со всех сторон —
что космический шлёт *корабль*,
и чём светит *синхро-фазотрон*.
Чтобы сказ воплатился в были,
и своё обновив бытиё,
чтобы руки — **голову** мыли.
Чтобы ноги чесали — **её!**

ПОЛКОВНИК ПРИКАЗЫВАЕТ ДОЛГО ЖИТЬ (1997)

(пьеса)

Рядовой Тов. полковник! Рядовой Имярек
по Вашему приказанию прибыл!

Полковник Рядовой Имярек, Вы живёте с женой?

Рядовой Так точно, тов. полковник

Полковник Долго?

Рядовой Никак нет, всего полгода, тов. полковник.

Полковник Приказываю: жить долго!

(приказывает долго жить)

Занавес

*** (1995)

Жизнь проходит — ну прямо, как на крыльях летит.
Перекрутит динаму. Перебьёт аппетит.
Переплюнет верблюдом. Переедет ослом.
Препоручит малютам. Предназначит на слом.
Да, такая житуха. Но и ты не плошай.
Не прощай оплеухи и не клянчи на чай.
Этой жизни хозяин, никого не спросив,
будь внутри несгибаем, а снаружи — красив.
Превратись в иноходца ради жизни иной,
что к тебе повернётся вороной стороной!

*** (1995; 1998)

Покамест мы пытаемся
добыть чего получше —
побольше, позабористей,
покраще, пожирнее —
к нам качество является
с количеством под ручку,
не ссорятся, не борются,
но порят ахинею.

Покуда мы кумекаем
над текстом, над картинкой,
над схваткой, над копеечкой,
над сносом, над раскладом —
просвищет жизнь кометою,
безумная кретинка,
позвякивая мелочью,
минуя небо взглядом.

Когда же мы спохватимся,
возьмём себя за ручки,
возьмём пеналы-прописи,
за ум возьмёмся разум —
в начавшейся сумятице
вдруг солнце застыт тучки,
и всё кругом накроется
красивым медным тазом.

***** (1994)**

Я с одним старикашкой гутарил,
и поведал мне тот старина:
на четвёртой струне у гитары
есть заветная нота одна.
Как нажмёшь её пальчиком третьим
самой левой из скрюченных рук —
все диезы запляшут, как черти,
все бемоли закружатся вдруг.
Я нажал, и они закрутились.
Я ещё — заплясали они...
И вся жизнь моя катится в минус
из-за этой весёлой фигни.

КОНЬ УДАЧИ (1995)

Конь удачи ослабил свой повод
и не топает, гад, как вчера.
Подходящий для лирики повод.
Как сказали бы раньше — *хандра*.
Резкий приступ тоски и печали.
Солнце светит, а кажется — ночь.
Прямо *сплином* его б величали
англичане, масоны и проч.
Но грущу не вослед за Бодлером
(с *Монпарнаса* до *Пляса Пигаль*) —
а по-русски: *инаким манером*,
т.е. учтя неоглядную даль.
Это значит — от края до края,
бередя несмертельную боль,
анapéста стопу напрягаю,
квас тоски перегнал в алкоголь.
Вот — забьюсь в пароксизме падучем,
вот — низвергнусь в осиновый гроб...
Впрочем — СТОП! Тормозну-ка я лучше.
Грусть — к ноге! А лошадка: в галоп!
Меланхолии в ранге достигнув,
сплин бы лирикой больше не пах,
став достоин не песен, но гимнов,
не стихов, а — романов в стихах...
Ну, а я не эпический мастер,
оды-шмоды мне — до фонаря.
Само-время — защёлкнуть фломастер.
Хорошо погрустили. Не зря.

*** (1998)

...И вот пришёл такой момент,
такое время наступило
мне на мозоль — едва сумел
вбок отскочить, но встал на вилы,
на грабли т.е., и летит
их черенка конец дубовый —
сперва казалось, что в зенит,
но вижу — нет

БОЛЕРО (1998)

Владимиру Строчкову

Где гиены и тигры, и прочая злая напасть,
и, гремя, «Болеро» разрывает лиан пелену —
усмирить безотчётные бы «убежать» и «напасть»,
помечтать о простом, поглядеть, например, на луну...

Ах, Селена, скажи, хороша ли была белена?
Верно — да. Ведь недаром тревожна полночная темь.
Не сегодня ли тронулись — материки, племена
с пересиженных мест неизвестно, куда и зачем...

Нет ни воли, ни вольницы в странном движении том.
Только ритма узор, только вредный искус ворожбы.
Это маг, или кто — заставляет стремиться гуртом
к *подневольной* свободе (другой не приемлют рабы)?

Захлебнулась клепсидра, петух проворонил рассвет.
Ускакала кукушка с курантов кремлёвских ворот.
Тишина, и забыты кликухи несущих ответ
за медлительность мигов и за мельтешенье длиннот.

Но колотится мирные «спи» о бандитскую «вдарь»,
и акцентом тамтама тотального душу свело —
в преисподнюю тьму, или просто в рассветную хмарь...
Но бессменно внезапен финальный обвал «Болеро»,

и упругая чаща упрямо смыкает листья,
и граница свободы, невидимая в суете,
всё равно на замке. Маскируют «Бехштейна» кусты,
и ручные зверушки шлифуют свои фюзете.

*** (1990)

Покоя нет.

А.А.Блок

Опять всё застыло? — Да нет, не скажи.
Меняется кое-что в мире.
Вот вышли из моды кривые ножи,
удобные для харакири.

Вот разумом быстрым играет *Невтон*,
вот дактиль сменился хореем.
И мы изменились — не в этом, так в том:
лысеем, болеем, стареем...

От звёздных громадин и до хромосом,
из вечности дёргая время,
весь мир шевелится — как ёж под кустом,
как плод, извиняюсь, во чреве.

Вселенная, может, спокойней была б,
когда б её не торопили,
умыла бы руки, как Понтий Пилат,
умерила б рост энтропии...

А то, если далее тем же путём
ещё хоть чуть-чуть похромаем —
что будет! Ведь каждый лептончик учтён,
и — вот она! — смерть тепловая.

Всё крутится даже быстрее, чем вчера.
Покой не предвидится, вроде.
И как бы не вышло чего — несмотря,
что ножики больше не в моде.

ПОСОЛ
ПО ОСОБЫМ
ПОРУЧЕНИЯМ

*** (1994)

Тяжело в раю, когда легко в мучении.
Бремя — выбора: религии ли, знамени ли.
А посол ты по особым поручениям.
А поручена тебе *езда в незнаемое*.

Привёзешь ли мал цветок или незна́мо что —
в пятилетку пятизвёздную уложишься ли!
И глядишь: уже давно невеста замужем.
И не как-нибудь, а впятеро размножившая.

Либералы обернулись патриотами.
Митингующие снова триколоры несут.
Только публика всё теми же заботами
обозначена: распивочною стоимостью.

Ну, и стоило гонять машину времени
и за тридевять веков выкобениваться,
если всё-таки верна Татьяна Гремину,
а в Стучигороде слёт юных бериевцев³!

.....
За нетленную строкой в подсознанку влез.
Не поднял, а почесал длань бессовестную.
Не нашарил ничего — пыл и вышел весь.
Ну и ладно. Ну и хрен с ней, со стоимостью.

³ Уже после сочинения этого стихотворения я узнал, что организация «Юные бериевцы» действительно существует в Волгограде.

*** (1996)

Не в Азию визу,
 не ключик кастальский,
 а то, что не надо —
купил телевизор,
 а он оказался
 исчадием ада.
Мне только и свету —
 футбол в воскресенье,
 мне ж по фигу книжки!
Казалось бы, нету
 греха в микросхеме,
 а наось поди ж ты!
Экрану подлюке
 как есть все едино —
 что секс, что насилье:
кошмарные глюки,
 разврата лавина...
 — Чего же купил я!
Ну ладно бы друг па-
 радков Капица —
 про ямбы, про бомбы...
А там только трупы,
 девицы-певицы
 и прочие зомби.
Исчезни, виденье
 чернухи блевотной,
 назад мои баксы!
Сиё же мгновенье
 на баб и на водку
 меняю — и баста!

*** (1994)

Кощей висел в углу чулана
в оковах ржавых и цепях,
и либеральная охрана
гуманно причитала: «Ах!
Ведь это так бесчеловечно —
живое мучить существо!
Забыли мы, что знаний свечка
была когда-то у него.
Ведь нас кощей научили
читать, писать и кашу есть.
Ведь мы же не в каком-то Чили
(хоть пиночеты всюду есть).
Но не чета мы Пиночету,
и наша совесть уж не спит.
Давай собьём-ка цепь вон эту,
тем более он просит пить...»

Он выбрал пепси. Из бидона
он выжрал литр в один присест.
И вот Кощей освобождённый
нас снова учит кашу есть.

СОЗИДАНИЕ (1990)

Бог создал бороду. А с бритвой чёрт пришёл.
Бог создал глаз. Враг сделал телевизор.
Бог дал любовь. Шайтан открыл сексшоп.
Бог — край обетованный. Дьявол — визу.

Бог дал дорогу. Дьявол — автостоп.
Бог дух явил. А бес придумал букву.
Бог — снова глаз. А этот — телескоп.
Бог — сладкий сон. Чёрт — раннюю побудку.

Бог сделал ноги. Дьявол — колесо.
Бог воду создал. Враг похитил пламя.
Бог — лошадей. А Вельзевул — лассо.
Бог дал царя. А бес ему — парламент.

Бог — виноград. А чёрт — аперитив.
Бог дал гортань. Лукавый — вой сирены.
Бог — рай зачатья. Бес — презерватив.
Бог дал жену. Шайтан — завёл гаремы.

Бог — звуки сфер. Нечистый — звон монет.
Бог — сто языков. Чёрт — со словарями.
Бог — Откровенье. Дьявол — Интернет.
Бог весь — Добро.

— А чёрт?

— Судите сами!

*** (1997)

...И в мрачных пропастях земли

А.С.Пушкин

Ваше дело молодое: верить Богу.
Исполать вам, молодые, исполать.
Помолитесь: Он укажет вам дорогу.
Может даже Благодати ниспослать.
Наше дело стариковское: работать,
ни на бога уповать, ни на судьбу
и влачить свою умеренную похоть
на материалистическом горбу.
Нас крестом не осеняет всемогущий,
купина не опаляет и не жжёт.
Пусть не ждут ни эмпиреи нас, ни кущи,
но зато и преисподняя не ждёт.
В пустоту глядеть легко нам без боязни —
канем все туда — моли иль не моли.
Так ли небо это светлое прекрасно?
Так ли мрачны эти пропасти земли?

ПАМЯТИ РОМЫ СЛОБОДСКОГО (1996)

Никто и не думал,
что умерший лично бессмертен.
Все так и считали:
возможен смертельный исход.
Вот он и случился.
И отображён в документе.
А пепел — стучится ли в сердце,
иль мимо плывёт?
И где же душа,
пресловутая спутница тела,
чертёж переменчивый —
тяги, обшивка, мотор?..
А спутники лета,
ночные короткие тени,
притушены ли
сослагательным шорохом штор?..
Но что же так скоро! Так рано!
Так непоправимо!..
И смерть как осмысленна,
будто водящий в игре...
И где ты теперь —
в победительном облаке дыма,
иль распят на циркуле,
как мотылёк
на игле?..

*** (1996)

Я еду, и вот я на Соколе.
Вагон ещё в полном порядке.
Казалось бы, зря они охали
на Войковской там, при посадке.
Ещё в темноте закошечной
проносятся белые лампы...
(Какой я поэт всё же крошечный —
повсюду глаголы да штампы!)
Но вот уже — что? — остановочка.
Стоим посреди перегона.
Поехали. Стало быть, бомбочка
ещё не взметнула вагона.
Солдатик, я видел, при выезде,
(ещё на Речном) из туннеля,
нагнулся и прям'-таки вылетел
из двери, закрытой доселе.
Зачем торопился так явно он?
Увидел *чего* под сиденьем?
Жестянку от портера? Яблоко?
Червонец? Кондом? Привиденье?..
А может быть, злыми бомбистами,
для обнаруженья *де факто*,
оставлен подарок и выстрелит
в час «Ч», точно Чехов — в десятку.
И прямо сейчас и сегодня я
свой век исчерпаю до срока
и быстро спущусь в преисподнюю:
она от метро недалёко.

*** (1995)

Судьба — рыболов,
не мину́ть её невода.
Не выдаст —
скорее сожрёт, как свинья.
Седьмое июля
прошло, как и не было.
Но что-то осталось
от этого дня.

Но что же осталось?
Какая материя?
Слова на бумаге
и отзвуки слов.
Был сумрак потерь —
стал мираж обретения.
А цену им знает —
Судьба-рыболов.

*** (1998)

И март, когда снег, как и сказано,
марок и чёрен,
и детское солнце —
не то, что зимой
умудрённо
вполглаза глазело
сквозь чёрную рваную воду,
сквозь варёжку тучи
в солёную кашу асфальта —
а юное, то,
что хохочет по мрамору неба,
что мячиком скачет
свободным, пустым, разноцветным
и смотрит вполглаза
на утлые наши безумства.
И всё это — март:
неразменные дохлые будни,
и кошкины страсти,
и солнца футбол оголтелый...

*** (1997)

Как это я забыл о том,
кто делает зарубки
на самоструганном столбе
из мачты корабля!
Так можно потерять себя
среди этой мясорубки,
по незнакомым неживым
почтительно скорбя.
А он идёт неспешно в лес
собрать плоды и фрукты,
он доит коз, а их навоз
на грядки он кладёт.
Вот появился и исчез,
и только дым из трубки
обозначающий его,
летит среди небес.

В НОСТАЛЬГИЧЕСКОМ ДИЗАЙНЕ

*** (1998)

*В ностальгическом дизайне
оформляя каждый шаг,
по местам былых лобзаний
отправляюсь не спеша.
От Сокольников к Арбату
и в Черёмушки с Филей
носит юности фрегаты
ветер памяти моей.
По Таганке, по Мясницкой,
у Рождественских ворот
прохожу, и будто снится
это утро, вечер тот...
Та скамейка, эта липа,
тот троллейбусный маршрут...
Тридцать три беззвучных клипа
перед взором проплывут.
Всех припомню поимённо,
с кем был близок и знаком.
А фрегат разнозначный
пролетает с ветерком.*

1. (1962)

Я хочу повеситься
в начале мая-месяца
на твоём капроновом чулке.
В утреннем тумане я
убегу заранее
и приду в деревню налегке.
Там крестьянку грубую
поцелую в губы я,
а потом один уйду к реке,

чтобы там повеситься
на роге полумесяца
на твоём капроновом чулке.

2. (1962)

Осенью я тебя встречу снова.
Поздороваясь медленно и пройду не спеша,
чтобы ты заметила, как сурова
стала к тебе моя душа.

Чтобы ты поняла, что никогда не вернётся
моя рука на твоё плечо.
Чтобы ты не заметила, как сердце бьётся
и как из лёгких осеннее небо течёт.

А синий вечер на звонких улицах
листом золотым в проводах запоёт,
и мне в звящем звуке почудится
запретное имя твоё...

3. УТРО (1966)

Губы города, Трубная площадь, скривились
зелёным углом бульваров в гримасу утреннего
трамвая.

Потом засмеялось. Меж рельсами загрохотали
булыжники, точно блестящие зубы, и этой
улыбкой испуганные поднялись серые
тряпочки голубей и стали с неба стирать
ночной невидимый нимб.

Первый рассветный троллейбус, ещё не
привыкнув к движению, упрямо старается
вырвать рога из чёрных тугих параллелей.

Весёлые, как пионеры, составленные в
пирамиду на поле Большой Спортивной
Арены, выстраиваются в радугу прозрачные

капли и, прыгнув, торопятся броситься в подземную речку Неглинку.

Кусты на Цветном бульваре умылись и встали один за другим, как рифмы в поэме о Солнце.

А Солнце уже возникает за Сретенкой в переулке и гладит заборы, крыши домов и верхушки деревьев зелёной лапой луча, мягкого, как у кошки.

4. ВЕСНА (май 1968)

Весна! Я нов. И ново всё кругом —
деревья, мост, Арбат, орлы вокзала...
А может, сам я начался с начала,
поскольку с этим миром не знаком?
Знакомлюсь: ты. А за твоим окном
есть солнце. Утро (т.е. солнце встало).
Вот этажей собранье — это дом.
Вот слово — это то, что ты сказала.
И, наконец, любовь. Ей трын-трава
всё, кроме плоти терпкой и пахучей.
Она неотвратима, словно случай,
добра и зла, опасна и — права!
И вот стихи — убогие слова
из у неё украденных созвучий.

5. НОЧЬ БЕЗ ТЕБЯ (май 1968)

Ах, пойти бы к тебе,
вернуть бы «вчера» — опять.
По бульвару, свернуть направо,
Арбат пройти...
Чёрный кофе на ужин сварить
и собраться спать.
И не спать всю ночь.
И заснуть не раньше пяти...

Ах, пойти бы к тебе...
Но черны твои окна, черны.
Точно темень волос твоих,
в них поселилась — Ночь.
Ходят серые мысли, как серые мыши,
как сны,
точно серые сны,
которых не превозмочь.

Ты сейчас далеко.
Ты сияешь и светишь — там.
Ты, как Солнце, зашла —
за тобой погас горизонт.
Я один.
И брожу по не нашим во тьме местам.
Без тебя — тяжело дышать.
Как азот — озон...

Я — один. Ни Луны, ни звезды.
Тишина. Кошмар.
Закрываю глаза —
перед ними — твоё Лицо...
Как писали когда-то:
«Madame, я во власти чаръ.
Побѣдить ихъ —
мало отѣщется храбрецовъ»...

И напрасно себя
предлагает к утру заря.
И напрасно по радио
рады куранты бить.
Эта ночь без тебя.
Эта ночь, убитая — зря.
Это время,
которого мне — не возвратить...

.....

Я сижу на скамейке.
Бульвар мне глядит в глаза.
Мне сочувствуют кроны
осин, тополей и лип.
Ах, они понимают,
что мне без тебя — нельзя,
и наивно считают,
что я навсегда — погиб.

Но ведь это неправда?
Скорее — скажи, что нет!
Что сегодня же снова
вернётся — позавчера?!
И что стрелки часов
не плетутся за нами вслед,
а едва поспевают
за вензелями пера?!..
Я встаю со скамьи
и — с бульвара — направо, в Арбат...
Эта краткая улица,
10 минут пути.
А потом — чёрный кофе сварить
и собраться спать.
И не спать всю ночь.
И заснуть не раньше пяти!

6. (июнь 1968)

Стоит июнь. В окне твоей квартиры
Летает белый тополиный лес.
Желанья красный напряжённый бес
Воинственен и не желает мира.
И возникает жгучий интерес
К решению проблем извечных мира,
Которых разрешить не в силах лира,
И разрешает вечер, наконец.
И ночь проходит, не спеша, и утро,

Заглядывая походя в окно,
Увидит нас в нескромную минуту,
Когда должно быть тихо и темно.
Оно смутится, скажет: «Боже мой!»
И покачает Солнцем: головой.

7. (июнь 1968)

А в июне был прощальный
вечер. Ты сказала: «Липой
пахнет». Запах чуть печальный
был приветлив, как «спасибо».
Это был конец романа.
Расставаться было грустно.
Было сумрачно и странно.
Непонятно и минутно.
Было тихо и тревожно.
Было слышно, как за нами
Время ходит осторожно,
поднимая, точно знамя,
белый листик календарный —
пропуск в будущее время.
Был июнь. Стоял прощальный
вечер. Тишь. Прощанье. Темень.

8. (октябрь 1968)

далёких звёзд лучи исходят нитями
вонзают точки тело тёмной тени
усталые работы мысли мускулы
подставлены окне ночному ветру
обнажена полночна соблазнительна
роняешь пепел белые колени
погашен свет последние корпускулы
умчались 300 000 километров

9. ВОСПОМИНАНИЕ (1997)

Арбат, ещё не пешеходный,
пыл туристический, походный,
гроза, колонны у реки,
мы босиком, как босяки,
тропинки склизь в полуовраге,
бифштекс (с картошкой что ли...) в «Праге»,
«Дом книг» (Калининский проспект)
и юности плюсквамперфект...

10. (1995)

Вот переулок
перерыл канавой.
Движенья нет.
То есть, автомобилей.
А я иду.
И вдруг его узнал я!
Вот здесь,
среди заброшенных развалин,
гулял я с Мишей много лет назад.
И это называлось
«заблуждаться».
Вот так
наткнушь когда-нибудь на книжку
(на записную), да хотя б на эту,
и вспомню:
— Да! В таких когда-то книжках
любил писать я,
так сказать, «стихи».
И это называлось «вдохновенье».

ЕЩЁ ИЗ ТОЙ ЖИЗНИ

ЛАСКА БЛЕСКА (1962)

Луч – золотая игла на углу. Из угла –
углеглазая мгла за углами легла.
И из лона назло на излом уползло
лозоватым козлом узколобое зло.

*** (1961)

Синяя мгла заволокла глаза,
залу заполнила синью,
угловатым зигзагом в мозг вползла
и легла неподвижной пылью,
вылив холод безмолвия около...
Обвила подножия бледных колонн,
и злобно глядел осколок колокола
на фиолетовый звон...
Безлуние выткало небу шаль,
золотым песком усеяло уголь,
и небо уставилось, не дыша,
в свой фиолетовый купол,
любясь синим блеском воды,
и млечный холодный пояс
выплеснуло в синие льды.

***** (1963)**

Воскресным вечером, сверкая
в преддверье искристой черты,
вы пронёсете радость рая
в края росистой красоты.

А в понедельник полнолунием
в часы любви вблизи моста
автобус злобный и бесшумный
давил влюблённого кота.

*** (1963)

Щель пещеры в шалом шелесте:
листьев шепчущий уют...
Человеческие челюсти
человечину жуют.
В час вечерний за пещерою
хорошо хрустеть хрящом,
на потрескавшемся черепе
примостившись нагишом.
Чтобы тени шевелящиеся,
как щупальцы, ища,
настигали настоящее,
шумом прошлого шурша...

*Некурящий и непьющий,
целомудренный почти —
Боже правый, всемогущий,
я же — ангел во плоти.*

1995

АНГЕЛ

ВО ПЛОТИ

ЛЮБОВЬ К ДЕТАМ (1997)

Я устал заниматься любовью с детьми,
сладострастно кряхтеть и потеть, чёрт возьми!
Не хочу темпераментных стонов!
Мне приятнее способ Платонов.

Например, я читаю роман «*Жерминаль*».
Угнетённых рабочих мне искренне жаль.
Или в *чат* захожу в интернете...
А при этом присутствуют дети.

Или фильм на экране стрекочет крутой.
Я, как будто с нагайкой каратель какой —
усмиряю восстание. Плоти.
Дети смотрят? А пусть, я не против.

Или, скажем, вот эти вот строчки строчу —
не в метро, не в трамвае, а — где захочу!
Может, я даже стану Поэтом!..
Ну, и дети, конечно, при этом.

Вот такую любовь голосую я — **ЗА!**
С ней у деток на щёчках засохнет слеза,
и уступит трагедия — драме.
Т.е., весь мир благоденствовать — вправе!

РАЗГЛЯДЫВАЯ ДЕВУШКУ (1998)

На Руси мы все медведи:
каждый злобен и с(м)ердит.
Тут и девушка-Миледи,
на плече клеймо горит.
Сколько правонарушений
за означенным плечом!
Призрак петельки на шею
тоже ведь не исключён...
Может быть, она воровка,
между зонами связной,
и её татуировка —
краткий список послужной.
Завиток вот этот синий,
память, что обчищен шкаф,
а пересечение лилий —
как талон: уплóчен штраф...
Или — зря её я хаю,
и у ней иной пошиб?
Например, как Мата Хари:
нету права на ошиб-
ку, и роза вся в бутонах
это, может быть, вообще
означает — *панасоник...*
от морского атташе...
Мне сказал один любитель
(интересно знать — чего)
что не разума обитель —
мое светлое чело.
Он сказал: «В башке всё пусто
у тебя и кавардак
Это — новое искусство!
Это ж *боди арт*, мудак!»

БУХБАЛЛАДА (1995)

Kennst du das alte Liedchen?

H. Heine

Жила-была дева бухгалтер,
лицом и фигурой складна.
Царила в коммерческом гвалте,
а дома скучала одна.
Была не знакома с развратом,
девицам иным не в пример,
и зря к ней ходил инкассатор,
в кармане храня револьвер.
Собрав не растраченный в сферах
финансовых девичий пыл,
она полюбила курьера,
который дискеты носил.
Как только он вынет дискету
и вставит её в аппарат,
ей чудится, будто бы это —
бесценный любви дубликат.
И девушке с тонкой натурой
охота компьютером стать
с нетронутой клавиатурой
и принтером застрекотать.
Но стресс для бухгалтера вреден.
Главбух ей грозит кулаком.
И дебет заходит за кредит,
пуская баланс кувырком.
Прокручены в сальдо мортале,
проценты слагаются в стих.
А прибыль в текущем квартале —
ноль целых и ноль остальных.
Курьер пресловутый к тому же
то ваньку валяет, а то —
клинически верного мужа,
каким не бывает никто.
Пред девушкой в полную меру

проблема: чего предпочесть —
карьеру, иль кинуть курьеру
коварному девичью честь.
Да если бы честь эту взял он —
другой бы тогда поворот.
А этот безумный раззява,
пожалуй, и мимо пройдёт.
Что делать – неясно, хоть тресни.
Вся жизнь, словно тягостный сон.
Ах, эта неновая песня
опять с нехорошим концом.
Вот близится дело к развязке.
Берёт инкассатор наган.
К курьеру идёт без опаски,
а тот убегает, болван!
Бухгалтерша юная в шоке.
Мужской элемент налицо.
И приобретённое в шопе
блестит золотое кольцо.
Весь офис готовится к свадьбе,
есть выпить и есть закусить.
Ах, мне бы на ней погулять бы!..
Но надо дискеты носить.

*** (1997)

И никто, кроме зрителей нежных
ночного канала,
не видал, как ты блузку
с красивого тела спускала,
И в интимных кругах,
где порядки особенно строги,
раздвигала, смеясь,
свои полные белые ноги,
как упругую выпуклость
мяли горячие губы
(те, что зрителям нежным,
пожалуй, особенно любы),
натыкаясь на сладкую твёрдость
заветных горошин...
Чем же всё это кончится?

— Кончится только хорошим.

*** (1995)

Я — энергий и сил
в ускорение вкладчик.
Ты — ведёшь огонёчков
хоровод-караван.
Мы с тобой — марсиане
из различных галактик.
но орбит перекрёсток
существует: диван!
Я к нему поднимаюсь,
погасив ускоренье.
Ты спускаешься с неба,
огоньки притушив,
хоть в твоём пониманье
он подобен геенне,
ну а мне он столица:
Петербург, Тель-Авив...

*** (1995)

Когда разглагольствую всеу про По и про Пруста,
а ты, натурально, про Сергия или про Савла —
нам вложится в ложе (привет от масона Прокруста!)
двухпальное лезвие: скепсиса и православья.

И страшно вгрызаться в тугую активную мякоть:

Дамокловы штучки смиряют повадку акулю.

И, вроде, одна мне стезя — целомудренно плакать
Тристаном, увы, не познавшим Изольду. Да *Кунью*...

— Пожалуйста, побоку Пруста, а просто — подумай:
час пик на исходе, и *там* только чёрные масти.

И чем повернётся, и чем соблазнит нас фортуна,
когда все глаза нам какие-то глупости застыят...

Послушай! Давай позабудем про «принципы» и про
занудные дóгматы нематерьяльных материй.

Момент остановим, как кадр, нé исполненный титра,
и жизни простой предадимся — природы и тела!

ВЕДЬМИН МУЖ (1984)

Когда чертовщина ползёт по Москве
и каждый рассвет одинок, как последний,
идуший к потёмкам, и теплится свет
светила, чей профиль, как противень медный —
пруды патриархии брошены в сквер:
они за решёткою будут безвредней...
В такое-то время — ты! — сделалась ведьмой?!..
когда чертовщина летит по Москве?!..
В короткой записке — враньё и издёвка.
должно быть, писала ты навеселе.
Я знаю, к кому улетела ты, ловко
круша фонари, на своём помеле!
А я возвратился из командировки
и — нет тебя. Только листок на столе.

*** (1995)

Всё хотите про жизнь, мол, как она?
Вот вам быль из её глубин.
У Попова была Собакина.
Только он её не любил.
Попрекал её, делал пакости —
скатерть мятая, суп не тот...
И совсем уже распоясался,
когда *кто-то* съел антрекот.
Он и весил грамм 200 максимум,
но на принцип Попов пошёл.
Поступил с Собакиной так себе.
Прямо скажем, нехорошо...
Ну, а жизнь горит ярким факелом
и наяривает свой ритм.

— Эй, Попов! Где твоя Собакина?

— Что я, сторож ей? — говорит.

КОСОЙ МАРЬЯЖ

РАЗВИЛКА (1998)

Она поднимала тяжёлый маузер
на высоту близорукого гнева.
Она нажала курок, не целясь.
Она попала, и он упал.
Она даже не убегала.
Рабочий Иванов схватил её за руку.
Она попала, и это главное.
Но в расчёт траектории пули вкралась ошибка.
И он оказался жив.
Сначала просто, а после вечно.
И эта страна
и другие страны планеты
так и не свернули
с пути, который впоследствии был пройден
и оказался единственно возможным.

НЕМНОГО ИСТОРИИ (1984)

Поэты не скользят по высям,
вкусив изысканных сластей,
а, в прозе ползая, зависят
от усмотрения властей
Поэзия была игрушкой,
усладой дам, занятьем зал,
пока не появился Пушкин
и ей пути не указал.
Но как случилось, что забава
вдруг крылья обрела и пыл?
— *Властитель слабый и лукавый*
на миг поводья отпустил.
Зато потом её прижали
застой, реакция и мгла,
а то — какие бы скрижали
она надиктовать могла!..
Но вдруг *серебряною* нитью
зажглась поэзия опять,
являя новые наитья,
уча смеяться и рыдать.
В те времена Россия в корчах
рожала жаркую зарю,
и было не до стихотворцев
ея последнему царю.
А как заря пришла — искусство
взяла железная рука,
и, чтоб теперь вернуться в чувство,
нужны не годы, а — века!
Но был и тут период *слабый*,
и «*расцветали сто цветов*»,
и вновь поэзия — услада,
и снова каждый петь готов...
Но вот опять: оледененье.
Сперва казалось, что — чуть-чуть,
теперь — вполне. Стихосложенье

скукожилось. Тоска и жуть.
Лишь я один, могуч, как гений,
лью рифмы в прозы решето.
И (между прочих откровений)
Не-Знаю-Кто внушил мне — что́:

*Поэты не скользят по высям,
вкусив божественных сладостей,
а — **унизительно** зависят
от **обезумевших** властей.*

СТИХИ О ДРУГИХ СТИХАХ (1985)

Когда тяжеловодным Стиксом
проследую, обеззаряжен,
когда мандат души проколет
архангел вахтенным штыком,
её последняя частица,
моя *поэзия* (так скажем!)
падёт литованной строкою
пред гутенберговым станком.

Она — наложница с панели,
над нею ножницами цыкнут,
над ней разящее копыто
пернатый мерин задерёт.
Её и тиснут нонпарелью,
когда совсем она затихнет,
когда расколется под пыткой
и встанет задом наперёд.

Ей, изуродованной внешне
под злым надзором метранпажа,
дадут казённого узора
прикрыть рождённое нагим...
О ад грядущий мой кромешный,
постыдная самопродажа,
Густая киноварь позора,
самодовольства жирный грим!

ДНИ (1998)

День прошёл детей защиты,
День вреда от табака,
Африканской день свободы,
день и вечер погромвойск.
День милиции, приди ты!
Где, о день, ты, рыбака!
День шахтёра, садовода —
всякой славы трудовой!..

ЗА ЖЁЛТЫМ МАСЛОМ (1973)

Я из дому выхожу. Я иду в магазин за углом. Надо жёлтого масла купить. Я спускаюсь по лестнице вниз — 21 ступенька: очко. Вижу два чугунных столба. По ним плывут отбросы внутри, целые реки дерьма. У них круглые набережные. По берегам стоят ватерклозеты, это — порты отправления. Но я наверху, я над ними, и могучий насос не утянет меня на ужасную кухню, где из вонючих отходов варят жёлтое масло. Я выхожу во двор. В окне барака напротив синяя девка сидит, чай кипятит на газу. Непроизвольно роняю слезу, ухожу налево. На моём пути магистраль. Там оседлали шофёры пахучие грузовики. Там кошки ходят друг к другу в гости. Там трупы пьяниц лежат и стоят. Они дышат ещё не готовой блевотой. Но жёлтое масло влечёт меня, и я бегу вправо, скорей. Вот — магазин! Взоры разинь прикованы к лавке приёма посуды. Лысоватый очкарик с умным лицом из ниоткуда достаёт голубую бутылку: он будет пахнуть как те. И я почти что на животе вползаю в нужную дверь. Хочешь верь, а хочешь не верь: мне привалило счастье. Я вошёл, увидел и приобрёл очень приличное жёлтое масло!

*** (1997)

Жизнь стрекочет, как компьютер,
в ней лишь нет его ума.
Почему влечёт нас Ньютон
с силой, равной m на a ?
Почему — собой доволен,
но не в силах сделать шаг —
пританцовывает воин
саундбластером пища?..
То потычет он рукою,
угрожая пустоте,
то как сделает ногою
па из па-де-карате.
Гром ли грянет, рак ли свистнет,
или кто-нибудь иной —
все его четыре жизни
в мышке спрятаны одной,
И пока хвостом не дрыгнет
безответственный грызун,
чуть притопывая, дрыхнет
воин, виртуально юн.
И, подверженный заразам,
мир не скачет наобум.
Он за злой мышиный разум
Свой заводит утлый ум.
Неподвижной полон пыли
воздух: падать ли — вопрос!
Мухи тоже в нём застыли:
выбрать мёд, или навоз?
Транспорт осадил развилки,
позабыв былую прыть,
Перекрёстки — как бутылки:
закупорены — не вскрыть...
Города застыли, веси,
деревенские места...
Чей портрет в углу повесить —

президента ли?.. Христа?..
И, сама себе мессия
(может, всё и дело в том!),
вяло топчется Россия,
как компьютерный фантом.

ДВА КАЗИНО (1996)

*На рейдах москвы-реки стоят
теплоходы-казино
«Александр Блок» и «Валерий Брюсов»
Из наблюдений автора*

*— Здравствуйте, Александр Блок!
В.В.Маяковский*

По Пресне, что зовется Красной, что не к добру,
пройти-проехать даже страшно, но я пройду.
Хоть не хочу мишенью в тире служить стрелку,
но — символисты захватили Москву-реку.

Столпам серебряного века разрешено
собой ещё отметить вежу в век казино.
У пьедестала, на котором крылатый бог,
на рейде машет триколором азартный Блок.

Хоть на потеху всем буржуям, но всё равно —
он круглосуточно дежурит по казино.
По вечерам над банкоматом под звон монет —
в чём истина — вещают матом. В вине? — о, нет!

Там, недвижим на трапе узком, как на тропе,
кидает кости новым русским, как псам крупье.
А ниже, у Петра-верзилы, близ ЦДХ,
Азартный Брюсов полон силы: король стиха!

Цвет ног немного нездоровый прикрыт слегка.
На фоне их ещё лиловой его рука.
Он полусонно чертит звуки среди продаж.
Ему и прикуп прямо в руки: косой марьяж.

А чудеса малы и редки, и в том зерно.
Рискуя, крутанёшь рулетку, а там зеро...
Кто ставки делает по-крупной, тот супермен,
А прочим — жребий совокупный в век перемен.

И не смотрите с укоризной в тот регион,
Где лозунг *«Больше символизма!»* осуществлён,
Где серп-и-молот бутафором прибит к трубе,
Как фон достойный, на котором царит крупье.

О ПРАВЕ НАЦИЙ НА САМООПРЕДЕЛЕНИЕ (1994)

Дума

Я понял, вычислил, просёк до самой глубины, как до последней синевы на чёрном небе, итог борьбы национальных самолюбий. Где, скажем, *половцы, поляне, печенеги*? Забыв на время, сколько тысяч полегло их, я *акцентирую* на тех ростках от корня, чьи беспринципные отцы (из *полиглотов*) в иноязыческую веру шли покорно. Их, оказавшихся под игом *третьей силы* одним гуртом со всею фауною прочей, не по особенным колдобинам носило под властью ханской, а впоследствии *«рабочей»*. И среди нас, страну стаканом общим меря, на брань и подвиг трудовой, и на базары по кочкам скачут неопознанные *меря* и *шкандыбают неразумные хазары*. Ума бы разума вложил им *репетитор*, глядишь — в семье единой братских и советских — не без народа б, а в *домах культуры быта* полы ломились бы от *плясок павелецких!*.. И вот их нету, этих плясок и другого, чего внести бы каждой нации посильно. Одни несут ярмо, другие — слово, науку третьи... Хорошо и прогрессивно. Но всё-таки не перекопаны траншеи, и *пятый пункт* неспроста оставлен в силе. Вот мы, замечу не без гордости, *евреи* — незаменимые спасители России! Мне удалось (не сразу, правда) разобраться, не без поллитра (хоть и с риском для здоровья). Теперь я знаю, *для чего* нам столько наций в грядущем нашем дорогом средневековье.

ЗАЛОЖНИК (1995)

Вот ты умираешь.
Это тебе кажется, что ты ничего не успел.
Дуло или нож направлены на тебя,
И ты не можешь уже сказать, объяснить,
заявить, проклясть...
Но они, остающиеся, будут твёрдо знать,
что ты сказал, что сделал,
что думал и чего не успел.
Судьба приходит задним числом.
Такой обратный детерминизм.
Главное — ничего не бойся
и ни о чём не жалея.
И была ли жизнь, в конце концов?
Как объяснить, как доказать,
что она была?
И что что-то вообще существует...

*** (1997)

В понедельник каждый-всякий,
ежедневный, ежегодный
старичок шестидесятник
то в метро, а то пешком
всё лелеет плешь седую
под беретиком немодным
(хорошо б его не сдуло
мимолётным ветерком).

Он был свойственник по духу
диссидентам бородатым.
Где ни глянет — всё чернуха,
всяко лыко в общий счёт.
И теперь, совсем как прежде,
как патологоанатом,
он всё правду-матку режет,
т.е., так сказать, сечёт.

Он выходит из трамвая
и из метрополитена.
Он, как пешка проходная,
переходит переход.
Веку атома и СПИДа
новый век идёт на смену,
а тому до суицида
остаётся, может, год.

Старичок, держи беретку,
нос по ветру (револьвером)
да присядь на табуретку,
дорогой интеллигент.
Нет в ногах (и выше!) правды,
в голове (и ниже!) — веры...
Нэ журыся, всюду прав ты.
Наступает *хэппи-энд*.

Не всё погибло в этом мире

А. Галич

Горелым электричеством со станции несёт.
А ямб, его величество, по строчкам вдаль несёт.
Как будто бы запрошено в неведомых верхах
чего-нибудь хорошего сыскать в запасниках.
Воспеть не возмущение, не справедливый гнев,
а, скажем, шелестение предутренних деревьев,
а, скажем, восхищение и радость оттого,
что в мире, тем не менее, не всё ещё дерьмо.

ШЕСТИКРЫЛКА

*** (1997)

Активизироваться что ли?
Но только в качестве кого?
Себя поэтом заявил я,
а что-то в рифму не пишу.
Всё это, говорят, проходит,
с годами прозой исходя.
Но что-то проза не даётся,
хотя и рифмы тоже нет.
Я полагаю, это значит,
что устарев уже для рифмы,
ещё я не дорос до прозы,
т.е. *средний* возраст у меня.
Что ж, золотая середина,
она по-своему прекрасна.
Она — поскольку золотая —
должна цениться высоко.

*** (1998)

Была такая экзотика:
в кармане — писчебумажное.
Мура́, но думалось всё-таки:
«А вдруг это что-то важное?»
И вот сохраняю бережно
остатки того величия,
которого мания тешила
моё самолюбие лишнее.
Средь улиц шумных брожу ли я —
всё лысая старость ждёт меня
и эти листочки жухлые,
как дети недорождённые.

*** (1996)

Вдохновенья в общественном транспорте
жду, горланя, пока не охрип.
Полчаса покатаюсь, и — здравствуйте! —
даже кашель устроен из рифм!
В трансе транспорта и созидания
вольный разум п(р)отух и обмяк.
В голове — мясорубке сознания —
изготовлен вербальный форшмак.
Пьян без водки и даже без пива я.
Кайф катáрсиса встал между строф.
День без строчки — потеря терпимая.
Катастрофа — полдня без метро!

СТАРОСТЬ-ПРОЙДОХА (1997)

1. Иссякла поэтика,
часть раскуроченной речи,
и нечего пялиться
буквам в слепые кружочки.
Когда уж ни думать,
ни чувствовать, в сущности, нечем,
останется: или молчать,
или вдавливать чёрные точки
в листок, так и клетчатый,
как повелось изначально.
А точки, как клювы,
в нагую врубаются печень
(читай: Прометей)
а мне не украсть (что похвально!) —
ни пламени, ни —
даже части расквашенной речи.
2. То днями кумекаешь и — ни гу-гу,
а то вдруг как нáзло — могу и могу.
Нетленку бы тут-то бы и создавать,
а хочется спать.
3. Неожиданно старость-пройдоха
размагнитила в глотке металл.
Поэтичность — куда она сдохла!
Я каким-то бухгалтером стал.
Аж до дыр засчитал калькулятор.
Каббалистика цифр в голове...
Храм Поэзии, о Альма Матер!..
Ты в высотном висишь высоке.

*** (1998)

Чахнет душа в усыпальнице смысла.
Сохнут мозги на верёвочке лет.
Что было сладко — становится кисло.
Что было кисло — сходит на-нет.
Всё тривиальнее *тропы* метафор:
в Рим не ведут, а скорее во тьму.
Как там говаривал визирь — «*Мутáбор*⁴»?
— Незачем. Я не подельник ему.
Нет! Измененье изменой чревато...
Как мезозойский паук в янтаре
или *калиф*, позабывший цитату,
я навсегда остаюсь в январе.
Что-то бубню, натянув рукавицы.
Кашель — простуда, не старческий хлип.
Я ещё рыцарь. Я ещё витязь.
Я *ого-го* ещё, *знаете ли!*

⁴ Mutabor (лат.) — изменимся.

*** (1995)

При помощи районной Айболитихи
встав перед фактом встречи с червяками,
печальную колонну — на Калитники —
я лично бы повёл — вперёд ногами.
Но, словно мистер Твистер ошарашенный,
услышал бы: «Мы, право, сожалеем,
но нет *местов*. Кресты сто лет не крашены.
и теснотища, как за Мавзолеем.»
Не светит мне престижное Ваганьково
и роскошь колумбария Донского.
Сомнительного пасынка Таганкина
кошерное не примет Востряково.
Катиться, видно, мне (*вперёд колёсами*)
на пепельную фабрику за город...
Но суть не в том. Как говорят философы —
важно не расстояние — путь мне дорог.
Друзья мои! Потомки и сотрудницы!
Хваля меня, не хнычьте: неуместно.
Покойник был сангвиником, и улицы,
бывало, мёл он веником прилежно.
Мог рифму отчебучить — обхохочешься.
А плакать не любил ну, разве, малость.
Ну, ладно, говорите всё, что хочется.
Я б сам сказал, да всё уже сказалось.
— Мне горько, — я сказал бы, — не не солоно.
Я чту мою последнюю подругу.
Она сейчас откинёт косу в сторону
и вам прочтёт чего-нибудь по кругу.

ПОДРАЖАНИЕ (1998)

Эта жизнь, может быть, не обрыдла бы мне сугубо,
если б я, как и мир, не был таким плохим бы.
Я бы с затылка на плешь вынес волосы, вставил бы
зубы и на завтрак бы выпивал по литру *йохимбы*.

Я писал бы поэмы не хуже моих кумиров,
взял бы пару любовниц — по чётным и по нечётным —
чтобы память об этом *прекрасном и новом мире*
сохранилась и там, куда, за каким-то чёртом,

попаду, но не *за*, а скорей, *под* его охраной,
и отнюдь не вернусь на сии не мои круги я,
всем моим одарив почитательниц и критиканов...
Но и *там* порядки, возможно, совсем другие,

чем обещано тут. Дистрибьютеры благодати
оформляют свои нетленные эксклюзивы
только тем, кто, телом как и лицом приятен,
сочетает любовь друг к другу с любовью к пиву.

Только мне там не светит, навряд ли буду уважен,
ибо всё перевесит плюсы один хотя бы смертный
грех, что я, исписав миллион бумажек,
не сумел отличить *4-й пэон* от ямба.

*** (1997)

Жизнь коротка, а искусство — ого! —
дольше, пожалуй, и нет ничего.
Сколько рифмованных строк ни пиши —
скоро закончится картридж души.
Но и для всех ненаписанных строк
тоже настанет когда-нибудь срок.
Волею случая или ума —
картриджей этих — несметная тьма.
Так что работай себе, не спеша —
не оскудеет, пожалуй, душа.
А оскудеет — другая споёт
в общем и целом, не хуже её.

К ЖИЗНИ (1997)

*Узнаю тебя, жизнь. Принимаю.
И приветствую с пеной у рта.*

Полу-Блок

Ручка кончается вместе с тетрадкой.
К вечеру день, к завершению жизнь —
что протекла удивительно гладко,
так бы и прожил вторую на бис.
Мир-то театр: состоит из актрис
(ну, и актёров, мелькающих кратко).
Я, словно пчёл, ублажаемый маткой,
мне безразлично — наверх или вниз...
Сладкая (я выбираю, где сладко)!
Яркая (ибо не прячешься в тень)!
Ты восхитительна, как шоколадка,
или прокладка (в критический день)!
Я принимаю тебя и теперь,
с понтом умывшая руки Пилатка.

*** (1998)

Надоело крылатой красуле
тусоваться со мной, бестолковым.
Улетела. И строчку простую
не сложу я, стреножен и скован.
Словеса обратились в обмылки,
И страница — как чёртова кожа.
Серафима моя, шестикрылка,
ты одна мне осталась надежда.

***** (1998)**

*Прочти с размаху косвенную фразу,
игрушечные рифмы перестрой.
Петит намёка не заметен сразу,
сокрыт аллитераций трескотнёй.
И тайна всё темнее год от году —
её не разгадать вам никогда...
Вы думаете, это про природу?
Про жизнь?..*

— Не угадали, господа!

СОДЕРЖАНИЕ

Как сказать — тихо или погромче.....3

ВСЕГО ЛИШЬ ЭКЗЕРСИС

Душа моя, я бессловесный твой.....6

Где-то дятел успешно долбит дупло.....7

ПОЭЗИЯ. СТАНСЫ.....8

ПОЛЁТ.....9

Сопоставление того, что было А.....10

О МРАМОРНОЙ ДОСКЕ.....11

Дело, может быть, совсем не в том.....12

У вас пошлó? А у меня пошлó!.....13

ДВА СЛОВА.....14

Глубокомысленно решаю.....15

ВЗГЛЯД СО СТОРОНЫ.....16

ПОЭТЫ.....17

Хлеб души (поэзия).....18

Пока создаётся неведомый файл.....19

Какие темы меня волнуют?.....20

Не надо глупостей нести.....21

ВЕНОК СОНЕТОВ О ВЕНКЕ СОНЕТОВ

ВЕНОК СОНЕТОВ О ВЕНКЕ СОНЕТОВ.....24

ПОТОК ПОДСОЗНАНИЯ

Одуванчик, закрой свой зонтик.....33

Любитель одиночества неискрен.....34

НЕ ПРО ЭТО.....35

ПОТОК ПОДСОЗНАНИЯ.....36

Медицинская сестра.....37

К МЫСЛИ.....38

ЛОГИКА.....39

ГОЛОВА.....40

ПОЛКОВНИК ПРИКАЗЫВАЕТ.....41

Жизнь проходит — ну прямо.....42

Покамест мы пытаемся.....43

Я с одним старикашкой гутарил.....44

КОНЬ УДАЧИ.....	45
И вот пришёл такой момент.....	46
БОЛЕРО.....	47
Опять всё застыло?.....	48

ПОСОЛ ПО ОСОБЫМ ПОРУЧЕНИЯМ

Тяжело в раю, когда легко в мучении.....	50
Не в Азию визу.....	51
Кощей висел в углу чулана.....	52
Бог создал бороду.....	53
Ваше дело молодое: верить Богу.....	54
ПАМЯТИ РОМЫ СЛОБОДСКОГО.....	55
Я еду, и вот я на Соколе.....	56
Судьба — рыболов.....	57
И март, когда снег.....	58
Как это я забыл о том.....	59
В НОСТАЛЬГИЧЕСКОМ ДИЗАЙНЕ.....	60
1. Я хочу повеситься.....	60
2. Осенью я тебя встречу снова.....	61
3. УТРО.....	61
4. ВЕСНА.....	62
5. НОЧЬ БЕЗ ТЕБЯ.....	62
6. Стоит июнь.....	64
7. А в июне был прощальный.....	65
8. далёких звёзд лучи.....	65
9. ВОСПОМИНАНИЕ.....	66
10. Вот переулок.....	66

ЕЩЁ ИЗ ТОЙ ЖИЗНИ

ЛАСКА БЛЕСКА.....	67
Синяя мгла заволокла глаза.....	68
Воскресным вечером, сверкая.....	69
Щель пещеры в шалом шелесте.....	70

АНГЕЛ ВО ПЛОТИ

<i>Некурящий и непьющий.....</i>	71
ЛЮБОВЬ К ДЕТАМ.....	72
РАЗГЛЯДЫВАЯ ДЕВУШКУ.....	73
БУХБАЛЛАДА.....	74

И никто, кроме зрителей нежных.....	76
Я — энергий и сил.....	77
Когда разглагольствую все.....	78
ВЕДЬМИН МУЖ (II).....	79
Всё хотите про жизнь.....	80

КОСОЙ МАРЬЯЖ

РАЗВИЛКА.....	82
НЕМНОГО ИСТОРИИ.....	83
СТИХИ О ДРУГИХ СТИХАХ.....	85
ДНИ.....	86
ЗА ЖЁЛТЫМ МАСЛОМ.....	87
Жизнь стрекочет, как компьютер.....	88
ДВА КАЗИНО.....	90
О ПРАВЕ НАЦИЙ.....	91
ЗАЛОЖНИК.....	92
В понедельник каждый-всякий.....	93
Горелым электричеством.....	94

ШЕСТИКРЫЛКА

Активизироваться что ли?.....	96
Была такая экзотика.....	97
Вдохновенья в общественном транспорте.....	98
СТАРОСТЬ-ПРОЙДОХА	
Иссякла поэтика.....	99
То днями кумекаешь и — ни гу-гу.....	99
Неожиданно старость-пройдоха.....	99
Чахнет душа в усыпальнице смысла.....	100
При помощи районной Айболитихи.....	101
ПОДРАЖАНИЕ.....	102
Жизнь коротка, а искусство — ого!.....	103
К ЖИЗНИ.....	104
Надоело крылатой красуле.....	105
<i>Прочи с размаху косвенную фразу.....</i>	106

Александр Воловик

ЕЖЕДНЕВНЫЙ ПОНЕДЕЛЬНИК

стихотворения

Текст публикуется в авторской редакции

Вёрстка: автор

Гарнитура Verdana

Лит.-худ. изд. Формат 60×84¹/₂₄

Из. дом «Вручную»

Подп. к печ. 23.11.2022